

РЕКВИЕМ ПО ПАМЯТИ

Олеся Лисицкая

Е В А
Ми Си Ля

Со Ми
В А А
Ми Си Ля

Олеся Лисицкая

Реквием по памяти

<https://litres.ru/74074361>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Реквием по памяти»

Психологический детектив.

Лучший профайлер Европы Алекс Рид привык искать истину вовне. Но это дело другое.

Всё начинается с убийства в лондонском книжном магазине: мёртвый архивариус, вырезанные глаза и детская считалочка. Почерк, который Алекс узнаёт и не может узнать одновременно. Его жизнь превращается в лабиринт, ведущий в прошлое, которого он не помнит.

В Париже, Риме, Берлине, Стамбуле — новые жертвы, загадки и послания, адресованные лично ему. Убийца знает его забытые страхи, сны и тайны детства. Словно кто-то наблюдал за ним из тени.

Улики указывают на брата-близнеца, о котором Алекс не знал. Но кто он: брат, отражение или тот, кто занял его место?

На старом мосту в Инсбруке Алекс поймёт: финал будет иным. Правда не принесёт облегчения. На мосту его будет ждать не убийца, а он сам.

Олеся Лисицкая

Реквием по памяти

От автора

Эту книгу я писала не ради разгадки.

Конечно, в ней есть всё, за что мы любим детективы: лабиринт из улик, ложные следы, мрачные загадки и убийца, чьё имя, я надеюсь, вы не угадаете до самого финала. Но детективная интрига — лишь каркас. Настоящая история происходит не на местах преступлений, а внутри человека, который пытается вспомнить то, что было намеренно стёрто из его памяти.

Мы привыкли думать, что личность — это данность. Что мы — это мы, и ничто не может этого изменить. Но что, если память, на которой держится всё наше «я», — это всего лишь карточный домик? Что, если её можно переписать? А если так — кто тогда настоящий? Тот, кто помнит? Или тот, кто забыл?

Эти вопросы мучили меня, пока я создавала Алекса и Лео — двух братьев, чья судьба разлучила на тридцать лет. Мне хотелось написать историю, в которой антагонист и про-

тагонист — не враги в классическом смысле, а жертвы одного чудовищного эксперимента. Историю, где самая запутанная загадка — не та, что оставляет убийца, а та, что прячется в глубине человеческой души.

Вы можете читать «Реквием по памяти» как триллер о серийном убийце, путешествующем по Европе. Можете — как драму о братстве, которое сильнее любых манипуляций. Можете — как философскую притчу о природе зла. В любом случае я прошу вас об одном: не торопитесь. Обращайте внимание на детали. В этой книге нет случайных символов — каждая бабочка, каждая мелодия, каждая считалочка что-то значат.

И помните: развязка может оказаться совсем не той, что вы ожидаете.

Спасибо, что держите эту книгу в руках. Для меня она — больше, чем роман. Это итог долгого пути, и я рада разделить его с вами.

Глава 1. Лондон: Первое послание

Дождь стих так же внезапно, как начался, и теперь мокрый асфальт Кэмден-тауна блестел в свете фонарей, словно спина гигантского зверя, выползшего из Темзы подышать. Алекс Рид стоял у полицейского ограждения, подняв ворот-

ник пальто, и смотрел, как эксперт в белом комбинезоне колдует над замком книжного магазина. Магазин назывался «Лабиринт», и даже в этот предрассветный час, пропитанный запахом сырости и чужой беды, он выглядел так, словно его перенесли сюда напрямиком из викторианского Лондона. покосившаяся вывеска, тёмное дерево витрин, горгулья над входом, скалящая зубы в ухмылке.

— Профайлер из Лиона, значит, — инспектор Грэм, коренастый мужчина с усами, которые жили собственной жизнью, говорил с акцентом, выдававшим в нём уроженца восточного Лондона. — Не поймите меня превратно, мистер Рид, но у нас тут не сериал. Убит старый архивариус. Никто не понимает, зачем привлекать специалиста по серийным убийцам.

Алекс перевёл взгляд с горгульи на инспектора. У него были глаза человека, который спит не больше четырёх часов в сутки уже много лет, но голос оставался спокойным, почти монотонным.

— Меня пригласили не вы, инспектор. Меня пригласил Интерпол. А они, как вы знаете, не суетсяя по пустякам.

— Интерпол, — проворчал Грэм, пропуская Алекса под ленту. — В Лондоне, значит, пустяков не бывает. Ладно,

идёмте. Только осторожно, там... в общем, сами увидите.

Они вошли внутрь. Запах ударил в нос мгновенно: старая бумага, кожа переплётов, пыль веков — и поверх всего этого, словно фальшивая нота, металлический запах крови. Внутри магазин оказался лабиринтом и впрямь: стеллажи уходили под потолок, образуя узкие проходы, в которых едва могли разминуться двое. Книги лежали повсюду — на полках, на полу, на прилавке, — но в этом хаосе чувствовалась система, доступная лишь посвящённым. Освещение было приглушённым, и единственным ярким пятном в этом царстве теней был белый луч криминалистического прожектора в дальнем конце зала.

Там, за последним стеллажом, в маленькой комнате, служившей хозяину чем-то вроде кабинета, сидел мёртвый человек.

Он сидел в высоком резном кресле, обитом потёртым бархатом, откинув голову назад. Его руки покоились на подлокотниках, ноги были вытянуты вперёд, и вся поза казалась почти расслабленной, если бы не одна деталь, которая заставила Алекса задержать дыхание. Глаза жертвы были вырезаны. Не выколоты, не зашиты, а именно вырезаны — аккуратно, с хирургической точностью, словно кто-то удалил их, чтобы покойник никогда больше ничего не увидел. На месте глаз чернели два провала, и от этого лицо казалось маской, лишённой всякого выражения.

Но не это было самым странным. Самым странным была книга, лежавшая у него на коленях.

— Первое издание, — тихо сказал Грэм, перехватив взгляд Алекса. — «Алиса в Стране чудес», тысяча восемьсот шестьдесят пятый год. Эксперты говорят, ей цены нет. Если бы не кровь, можно было бы продать за состояние.

Алекс не ответил. Он подошёл ближе, стараясь не наступать на разбросанные по полу листы. Книга была раскрыта примерно посередине. На левой странице красовалась классическая иллюстрация Джона Тенниела: Алиса падает в кроличью нору, раскинув руки, а вокруг неё — часы, чашки, книги, словно весь мир сорвался в этот бесконечный туннель. На правой странице кто-то — убийца? — написал несколько строк.

Алекс присел на корточки, достал из кармана очки в тонкой оправе и взгляделся.

Строчки были выведены детским почерком. Неровные буквы, слишком большие для такого формата, слегка дрожащие, словно рука, державшая перо, ещё не привыкла к письму. Чёрные чернила. Послание гласило:

Раз, два — я не злой.

Три, четыре — в нору за мной.

Пять, шесть — там отец.

Семь, восемь — нам конец.

Что-то дрогнуло внутри у Алекса. Он смотрел на эти строки, и в голове вдруг зазвучал далёкий, почти забытый ритм. Считалочка? Колыбельная? Он попытался ухватить это чувство, но оно ускользнуло, как вода сквозь пальцы. Остался только холодок, пробежавший по позвоночнику, и необъяснимая уверенность, что эти слова ему знакомы. Не как текст, не как стихотворение, а как нечто, вплетённое в самую ткань его существа.

— Похоже на считалку, — сказал Грэм, заглядывая через плечо. — Может, детский стишок какой? Жуткое дело. Убийца, видать, с большой фантазией.

— Да, — рассеянно ответил Алекс, не отрывая глаз от страницы. — С больной.

Он знал, что должен сказать больше. Что должен обратить внимание инспектора на особенности почерка, на выбор именно этой книги, на возможные отсылки. Но слова застревали в горле. Потому что в этот самый момент, глядя на детский рисунок букв, он вдруг почувствовал нечто совершенно иррациональное. Ему показалось, что этот почерк

он уже видел. Больше того — что это его собственный почерк. Его детский почерк, которым он исписывал тетради в начальной школе, пока приёмный отец, доктор Кейн, не отучил его от «неразборчивых каракуль» и не заставил переучиться на взрослый, чёткий шрифт.

Глупость. Паранойя. Он тряхнул головой, прогоняя навязание.

— Кто жертва?

— Генри Фэрфакс, шестьдесят два года. Архивариус. Работал в какой-то частной клинике, сейчас проверяем. Жил один, тихо, никаких врагов. Магазин держал для души, доходов почти не приносил.

— Клиника? Какая?

— «Элизиум». Закрытое учреждение где-то под Оксфордом, уже лет десять как не существует. Занимались, говорят, проблемами памяти и сна. Что-то такое.

Алекс записал название в блокнот. «Элизиум». В переводе с греческого — обитель блаженных душ. Ирония судьбы: человек, работавший в месте, обещавшем покой и забвение, умер с вырезанными глазами и считалочкой из кошмаров на

коленях.

Он ещё раз осмотрел комнату. Кроме книги и трупа, здесь был стол, заваленный бумагами, старый граммофон, неработающий камин и стена, сплошь увешанная рисунками — в основном детскими. Рисунки были странные: бабочки с черепами вместо голов, дома без окон, человечки с огромными глазами. Детское творчество, пропитанное такой тоской, что у Алекса сжалось сердце. Он вспомнил, что сам рисовал в детстве — но что именно, вспомнить не смог. Только смутный образ: краски, бумага, чей-то голос, хвалящий его за «живое изображение».

— Это всё рисунки детей, которые лечились в «Элизиум», — пояснил Грэм, заметив его интерес. — Фэрфакс их зачем-то хранил. Может, сентиментальность. А может, шантаж. Мы проверяем.

— Или чувство вины, — добавил Алекс.

Он подошёл к столу, надел перчатки и начал перебирать бумаги. Счета, каталоги, письма от каких-то коллекционеров. Ничего примечательного. Но под стопкой старых газет он нашёл то, что заставило его замереть.

Это была фотография. Старая, выцветшая, с загнутыми

краями. На ней были двое мальчиков, лет пяти-шести. Они стояли в обнимку перед каким-то зданием, похожим на загородный дом, и улыбались в камеру. Одинаковые лица. Одинаковые ямочки на щеках.

Близнецы.

Алекс перевернул фотографию. На обороте была подпись: «Рид, проект „Янус“, 1990».

Его фамилия. И год, когда погибли его родители, а он сам чудом спасся из огня и был удочерён доктором Маркусом Кейном.

В висках застучала кровь. Он аккуратно положил фотографию в пакет для улики и, стараясь, чтобы голос звучал ровно, спросил:

— Инспектор, вы говорили, что Фэрфакс жил один. Семьи нет?

— Никого. Мы проверили.

— А эти дети? — он показал на фотографию. — Кто они?

Грэм подошёл, прищурился.

— Понятия не имею. Но раз подписано «Рид», может, ваши дальние родственники? В Англии много Ридов.

— Возможно, — Алекс спрятал пакет в карман. — Я возьму это на время.

Он вышел из магазина, не дожидаясь разрешения. Ему нужно было подумать.

Лондон просыпался медленно, нехотя, словно старик, разбуженный слишком рано. Серое небо, серые улицы, серые лица. Алекс брёл по набережной, не чувствуя холода. В голове крутилась считалочка. «Раз, два — я не злой...» Кто такой «я»? Почему «в нору за мной»? И почему это «нам конец»?

Он позвонил отцу.

Доктор Маркус Кейн ответил после четвёртого гудка. Его голос звучал слабо, но привычная железная нотка всё ещё прорезалась сквозь старческую хрипотцу.

— Алекс? Ты знаешь, который час?

— Прости, отец. Я в Лондоне. Дело.

— Всегда ты в деле, — вздохнул Кейн. — Что на этот раз?

Алекс коротко пересказал суть. Про книгу, про считалочку, про рисунки и странную фотографию. Он ждал, что отец, бывший психиатр, скажет что-нибудь про символизм, про детские травмы убийцы, про архетипы. Но Кейн молчал. Долго. Слышно было только его дыхание — свистящее, неровное.

— Отец?

— Не лезь в это дело, — сказал Кейн.

— Что?

— Я сказал: не лезь. Передай его местным. У тебя сейчас и так много работы.

Алекс остановился. Вода в Темзе была тёмной и маслянистой. Чайка, сидевшая на парапете, уставилась на него немигающим взглядом.

— Ты что-то знаешь, — медленно произнёс он. — Ты знаешь, что значит эта считалочка?

— Это просто детский стишок, — отрезал Кейн. — Я

устал. Позвони завтра.

И повесил трубку.

Алекс стоял ещё минуту, глядя на реку. Потом достал из кармана пакет с фотографией. Всмотрелся в лица мальчиков. Один из них, тот, что стоял справа, чуть щурился и держал в руке сачок для бабочек. У второго, слева, на лбу виднелась маленькая родинка. Или шрам.

Он провёл пальцем по своему лбу. Кожа была гладкой. Никакого шрама.

И вдруг — резко, словно удар тока — в голове вспыхнуло воспоминание. Нет, даже не воспоминание — ощущение. Запах жжёной карамели. Крик. И голос, детский голос, зовущий: «Алекс! Алекс, не уходи!»

Он пошатнулся и схватился за парапет. Чайка взмыла в воздух, закричала пронзительно и улетела. Перед глазами поплыли круги, и в этих кругах на мгновение проступила картинка: два мальчика бегут по коридору, держась за руки, а сзади — огонь.

Видение исчезло так же быстро, как появилось. Алекс перевёл дух, вытер холодный пот со лба. «Переутомление, —

сказал он себе. — Просто переутомление. И тени прошлого, которые всегда лезут, когда не спишь трое суток».

Но он знал, что это неправда.

Он вернулся в отель уже затемно. Снял номер в первом попавшемся месте — маленькую комнату с видом на кирпичную стену соседнего здания. Бросил пальто на стул, достал ноутбук, но включать не стал. Вместо этого он вынул из минибара бутылку виски, плеснул на два пальца и сел на кровать, уставившись в стену.

В голове снова и снова звучала считалочка. «Раз, два — я не злой...» Он попытался вспомнить, слышал ли он её раньше. Может быть, в детстве? До пожара? Но его память о том времени была похожа на разбитое зеркало: осколки, которые ничего не складывали. Он помнил только огонь. И ещё — почему-то — бабочку. Огромную, с крыльями, похожими на череп. Он поймал её сачком за минуту до того, как...

Что?

Что было дальше?

Он сделал глоток. Виски обжёг горло, но не принёс ясности. Тогда он достал из кармана фотографию и снова посмот-

рел на близнецов. Теперь, при тусклом свете лампы, их лица казались ещё более жуткими. Одинаковые. Как две капли воды. Но всё же разные — если приглядеться. У одного взгляд был открытый, доверчивый. У второго — напряжённый, словно он ожидал удара.

«Проект „Янус“», — прочитал он вслух. Янус — двуликий бог, глядящий одновременно в прошлое и будущее. Что это был за проект? Почему в нём участвовали дети с его фамилией?

Он набрал номер отца снова. Гудки шли долго, но трубку не сняли.

Тогда он открыл ноутбук и вбил в поиск: «Элизиум клиника Оксфорд». Выскочило несколько архивных статей. Частная психиатрическая больница, специализация — расстройства памяти и сна у детей. Основана в 1985 году доктором Маркусом Кейном. Закрыта в 2010-м после скандала, связанного с неэтичными экспериментами над пациентами. Подробности скандала засекречены. Доктор Кейн оправдан. Свидетели: Генри Фэрфакс (архивариус), Анна Коваль (художница), отец Маттиас Росси (священник)...

Алекс остановился. Фэрфакс — убитый архивариус. Анна Коваль — художница, живущая в Париже. Отец Маттиас —

священник в Риме.

И тут зазвонил телефон.

Не мобильный. Гостиничный. Старый аппарат на прикроватной тумбочке, который он даже не замечал до этого момента. Звонок был резким, пронзительным, совершенно неуместным в этой тишине.

Алекс замер. Никто не знал, где он остановился. Никто, кроме...

Он снял трубку.

— Алло?

Тишина. Только лёгкое шипение на линии, словно кто-то дышал в трубку. А потом — голос. Изменённый, искажённый, как будто пропущенный через синтезатор. Детский? Взрослый? Невозможно было понять.

— Добро пожаловать в нору, брат, — произнёс голос.

И связь оборвалась.

Алекс остался сидеть с трубкой в руке. Сердце колотилось

где-то в горле. «Брат». Это слово эхом разнеслось по пустой комнате, проникло под кожу, ввинтилось в мозг. Брат. У него никогда не было брата.

Или был?

Он медленно положил трубку на рычаг. Посмотрел на фотографию. На двух мальчиков с одинаковыми лицами.

В дверь номера постучали.

Алекс вздрогнул, выхватил из кобуры пистолет и бесшумно подошёл к двери. Прильнул к глазку.

В коридоре никого не было. Только на полу, прямо у порога, лежал конверт из плотной кремовой бумаги. На конверте не было ни адреса, ни марок — только одно слово, написанное тем же детским почерком, что и считалочка в книге: «Алексу».

Он открыл дверь, поднял конверт и разорвал его. Внутри был сложенный вдвое лист. На нём — ещё одна считалочка, но на этот раз длиннее:

Пять, шесть — ты был здесь.

Семь, восемь — забыл, но спросим.

*Девять, десять — пора спать,
Брат придёт тебя искать.*

И внизу, мелким шрифтом: *«Париж, Монмартр, улица Лепик, 23. Завтра. Приходи один. Или умрёт художница».*

Алекс скомкал лист. Руки дрожали. Он посмотрел на часы. До утра оставалось четыре часа. Он успеет на первый поезд в Париж.

Он бросил в сумку самое необходимое, вызвал такси и уже в дверях обернулся. На прикроватной тумбочке осталась лежать фотография близнецов. Он забрал её, сунул в нагрудный карман и вышел в лондонскую ночь.

Дождь начался снова, но он этого уже не замечал. В голове стучало одно: «У меня есть брат. У меня есть брат, и он — убийца».

Или нет?

Где-то глубоко, в той части сознания, которую он привык не слушать, шевелилось другое, ещё более страшное подозрение. Что если убийца — не брат? Что если всё это — ловушка, и ведёт она в такие глубины его собственной души, откуда нет возврата?

Но он гнал эту мысль. Пока гнал.

Поезд на Париж уходил в 5:47. Алекс сидел в почти пустом вагоне, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как за окном проплывают огни спящего Лондона. Город исчезал позади, а впереди ждал другой город, другая загадка, другая смерть. И где-то там, в лабиринте собственного прошлого, — брат, которого он не помнил.

«Добро пожаловать в нору, брат».

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором снова вспыхнула картинка: два мальчика бегут, держась за руки. И огонь. И крик. И бабочка, летящая в пламя.

Он открыл глаза и заставил себя дышать ровно. Профессия приучила его к хаосу. Но этот хаос был иным — он исходил не из внешнего мира, а изнутри. Из самого тёмного угла памяти, который доктор Кейн когда-то назвал «защитной амнезией». «Твой мозг блокирует опасные воспоминания», — сказал он сегодня. Или вчера? Время путалось.

Алекс достал блокнот и записал в него всё, что знал. Фэрфакс. «Элизиум». Проект «Янус». Анна Коваль — следующая цель. Считалочки. И слово «брат». Он обвёл последнее

несколько раз, пока ручка не прорвала бумагу.

Затем он позвонил в Лион, своему ассистенту.

— Мари, подними все архивы по проекту «Янус». Это связано с «Элизиумом». И проверь, есть ли у меня брат.

— Брат? — в голосе Мари послышалось удивление. — Вы никогда не говорили...

— Просто проверь. Это срочно.

Он дал отбой и снова уставился в окно. Поезд нёсся сквозь тьму, и в стекле отражалось его лицо — бледное, осунувшееся, с лихорадочным блеском в глазах. Он вгляделся в своё отражение и вдруг подумал: а что, если тот, кого он ищет, выглядит точно так же? Что, если однажды они встретятся лицом к лицу — и он увидит самого себя?

Эта мысль была невыносимой.

Но ещё более невыносимой была мысль о том, что всё это — правда. Что его жизнь, его личность, его прошлое — всё было ложью, тщательно сконструированной кем-то, кто знал о нём больше, чем он сам.

Кем? Отцом? Доктором Кейном, который вырастил его, дал образование, поставил на ноги? Или кем-то другим, кто прячется в тени и дёргает за ниточки?

Ответа не было.

Поезд летел в Париж. Где-то там, в мансарде на Монмартре, ничего не подозревающая художница раскладывала кисти, готовясь к новому дню. Она не знала, что этот день может стать последним. Что её имя уже вписано в кровавый ребус, который составил человек, называющий себя братом детектива.

И Алекс не знал, успеет ли.

Он закрыл глаза. Перед ним снова встала картина: книжный магазин, мёртвый архивариус с пустыми глазницами и детский стишок, написанный нетвёрдой рукой. «Раз, два — я не злой. Три, четыре — в нору за мной».

Нора вела в Париж.

Он шагнул в неё.

(Конец первой главы)

Глава 2. Париж: Бабочка и нож

Париж встретил его мелким, противным дождём — не тем романтичным, что воспевают поэты, а холодным, пронизывающим до костей, какой бывает только в предзимье, когда город ещё не готов признать наступление холодов. Поезд прибыл на Лионский вокзал в 9:47, и Алекс, не теряя ни минуты, нырнул в метро, смешавшись с утренней толпой парижан, спешащих по своим делам. Он не спал почти сутки, и мир вокруг приобрёл ту особую, немного плывущую резкость, какая бывает на грани истощения — когда каждая деталь кажется одновременно и гипертрофированно чёткой, и подёрнутой дымкой нереальности.

В вагоне метро пахло мокрой одеждой, дешёвым табаком и духами. Алекс стоял, держась за поручень, и разглядывал своё отражение в тёмном стекле напротив. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, но взгляд оставался цепким, аналитическим. Он пытался разложить происходящее по полочкам, как делал всегда, — но полочки рушились одна за другой. Считалочка. Брат. Фотография близнецов. «Элизиум». И звонок — «Добро пожаловать в нору, брат». Всё это складывалось в картину настолько личную, настолько бьющую в самые уязвимые точки его психики, что он невольно задавался вопросом: а не является ли он сам — его подсознание, его подавленные воспоминания — источником этого кошмара?

Он отогнал эту мысль. Сейчас нужно было действовать.

Улица Лепик, 23 оказалась узким пятиэтажным домом, зажатым между булочной и антикварной лавкой. Фасад его был серым, облупившимся, с покосившимися ставнями и ржавыми балконными решётками. У подъезда стояла полицейская машина и микроавтобус криминалистов. Но не лондонские, а французские. Алекс выругался про себя. Опоздал.

Он показал удостоверение молодому жандарму у входа. Тот долго всматривался в документ, потом в лицо Алекса, потом снова в документ и наконец, видимо, решив не связываться с Интерполом, пропустил его внутрь, что-то буркнув в рацию.

Квартира Анны Коваль находилась на четвёртом этаже. Лестница была винтовой, скрипучей, с истёртыми ступенями, на которых темнели следы — уже не грязные, а те, что оставляют эксперты: белые порошковые отпечатки обуви, цифровые маркеры, обрывки оградительной ленты.

Дверь в квартиру была распахнута. Алекс вошёл — и замер на пороге.

Мансарда художницы оказалась просторной, с высокими потолками и огромным окном, занимавшим всю стену. Сквозь него лился серый утренний свет, заливавший комнату холодным, безжалостным сиянием. Повсюду стояли мольберты, на некоторых — незаконченные картины. Пахло маслом, скипидаром, пылью. И кровью. Тяжёлым, сладковатым, металлическим запахом, который ни с чем не спутаешь.

Тело Анны Коваль лежало на полу посреди комнаты, раскинув руки. Ей было около пятидесяти, седые волосы разметались по паркету, лицо застыло в выражении, которое Алекс сначала принял за ужас, но, приглядевшись, понял: это скорее изумление. Смерть застала её врасплох. Смерть пришла быстро: один удар ножом в сердце, точный, профессиональный, почти милосердный на фоне того, что последовало дальше.

Потому что главное было не в теле. Главное было на стене.

Во всю высоту от пола до потолка, занимая пространство между двумя мольбертами, кто-то нарисовал бабочку. Но не красками. Кровью.

Рисунок был огромным — метра три в размахе крыльев. И это была не простая бабочка. Это была «Мертвая Голова» — *Acherontia atropos*, — ночной бражник с характерным ри-

сунком в виде черепа на спинке. Алекс знал этот вид. Он видел его в энциклопедиях. И ещё — где-то ещё. Где?

Бабочка была выписана с пугающей анатомической точностью: каждая жилка на крыльях, каждое сочленение, каждый усик. Кровь уже подсохла, приобрела бурый оттенок, и от этого рисунок казался ещё более зловещим. Казалось, будто бабочка в любой момент может сорваться со стены и улететь — или наброситься.

Алекс стоял и смотрел. Перед глазами поплыло.

Бабочка. Сачок. Огонь.

— Monsieur? — чей-то голос пробился сквозь пелену.

Он моргнул. Перед ним стоял человек в штатском, лет сорока пяти, с усталым лицом и пронизательными глазами. Комиссар Дюпон, судя по значку на лацкане.

— Вы в порядке?

— Да, — Алекс заставил голос звучать спокойно. — Комиссар, я Алекс Рид, профайлер. Работаю по линии Интерпола. Это дело связано с убийством в Лондоне.

— В Лондоне? — Дюпон поднял бровь. — Каким образом?

— Убийца оставляет загадки. Адресованные лично мне.

Дюпон помолчал, переваривая услышанное. Потом кивнул на стену:

— И это одна из них?

— Да.

— Тогда вам стоит взглянуть ещё на кое-что.

Он подвёл Алекса к маленькому столику у окна. Там, под стеклом, лежали несколько фотографий. Старые, выцветшие, похожие на ту, что Алекс нашёл в Лондоне. На одной из них была та же самая пара близнецов. На другой — только один мальчик, тот, что без шрама, с сачком в руке. Он улыбался, а в сачке у него сидела огромная бабочка. Та самая — «Мертвая Голова».

Алекс почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он знал эту фотографию. Вернее, не знал — но она была ему знакомой. Она была откуда-то из того периода жизни, который исчез, стёрся, провалился в чёрную дыру амнезии.

— Это вы? — спросил Дюпон, указав на мальчика.

— Не помню, — честно ответил Алекс.

Комиссар прищурился, но ничего не сказал. Только протянул ему прозрачный пакет. Внутри лежал ключ — старый, латунный, с фигурной головкой. На головке была выгравирована дата: 15.07.1990.

— Это было в руке жертвы, — пояснил Дюпон. — Эксперты сняли с него отпечатки. Они принадлежат вам.

Алекс медленно опустил пакет на стол.

— Этого не может быть, — сказал он.

— И тем не менее. Ваши отпечатки в базе Интерпола. Мы проверили. Совпадение полное.

— Я никогда не был в этой квартире до сегодняшнего дня. Я никогда не держал в руках этот ключ.

Дюпон развёл руками:

— Я не обвиняю вас, господин Рид. Но вы должны пони-

мать, как это выглядит.

Он понимал. Более того, он понимал, что именно этого и добивается убийца. Подставить его. Заставить полицию сомневаться в нём. Вывести его из игры.

Но зачем? Чтобы он не мешал? Или чтобы он начал действовать вне правил, отчаянно, на грани — и тем самым стал частью игры?

— Мне нужно осмотреть комнату, — сказал Алекс.

Дюпон кивнул и отошёл. Алекс остался один.

Он обошёл мансарду по периметру, внимательно вглядываясь в каждую деталь. Картины Анны Коваль были мрачными, тревожными, полными символов. На одной из них он узнал ту самую бабочку «Мертвая Голова» — только нарисованную маслом, с размазанными краями, словно гниющую заживо. На другой — дом без окон, очень похожий на тот, что был на детских рисунках в лондонском магазине. На третьей — двое детей, взявшихся за руки.

Его передёрнуло. Он перевёл взгляд на дверь. Заперта изнутри. Окна тоже закрыты, стёкла целы. Камин слишком узкий, чтобы в него пролез человек. Классическая запертая

комната. Как убийца вошёл? Как вышел?

Он опустился на корточки у двери, осмотрел замок. Щёлка была массивной, старинной, без следов взлома. Если дверь была заперта изнутри, убийца должен был либо остаться в комнате, либо...

Он поднял голову. Над дверью, под самым потолком, темнела вентиляционная решётка. Слишком маленькая для взрослого человека, но достаточно большая, чтобы пропустить что-то ещё.

— Комиссар, — позвал он. — Кто-нибудь осматривал вентиляцию?

Дюпон подошёл, посмотрел на решётку и нахмурился:

— Ещё нет. Думаете, он пролез через неё?

— Нет. Но он мог использовать её иначе.

Алекс пододвинул стул, взобрался на него, открутил решётку. За ней был узкий вентиляционный ход, уходящий вертикально вверх, на крышу. Но внутри, на самом краю, он заметил кусочек льда. Точнее, замёрзшей воды, уже почти растаявшей. А рядом — обрывок тонкой лески.

Он спрыгнул со стула.

— Лёд, — сказал он. — Убийца использовал лёд. Он закрепил щеколду леской, протянул её через вентиляцию на крышу, а конец привязал к куску льда. Когда лёд растаял, леска выскользнула из щеколды, дверь заперлась изнутри. А леска ушла в вентиляцию.

Дюпон присвистнул:

— Умно. Очень умно. Но зачем такие сложности? Почему просто не оставить дверь открытой?

— Потому что это послание, — Алекс спрыгнул со стула. — Он хочет, чтобы я знал, с кем имею дело. Он не просто убийца. Он шахматист. Каждый ход имеет значение.

Он подошёл к стене с бабочкой. Всмотрелся в рисунок. В нижнем углу, почти у самого пола, он заметил то, что пропустил вначале. Несколько строк, написанных той же детской рукой, что и в Лондоне. Но на этот раз — на французском.

*Papillon, papillon, vole vers le feu.
Ton frère t'attend dans le jeu.*

Бабочка, бабочка, лети на огонь.

Твой брат ждёт тебя в игре.

И внизу, мелко: «*Рим, собор Святого Патрика. Три дня*».

Алекс закрыл глаза. Перед внутренним взором снова вспыхнула картинка: бабочка, летящая в пламя. И детский голос, зовущий: «Алекс! Алекс, смотри, она сгорит!» И смех. Или плач? Он не мог различить.

Когда он открыл глаза, Дюпон стоял рядом.

— Что вы будете делать? — спросил комиссар.

— Поеду в Рим.

— Я не могу вас задерживать, — Дюпон вздохнул. — Но моё начальство будет недовольно. Ваши отпечатки на ключе — это серьёзная улика.

— Я знаю. Но если вы меня задержите, убийца убьёт снова. А если я поеду в Рим, у меня есть шанс его остановить. Выбор за вами.

Дюпон долго смотрел на него. Потом кивнул:

— Езжайте. Но я сообщу в Интерпол. И, господин Рид, — он помедлил, — будьте осторожны. Этот человек играет с вами. И, судя по всему, он знает вас лучше, чем вы сами.

Алекс вышел на улицу. Дождь прекратился. Серые облака разошлись, и над Парижем засияло холодное, но ослепительное зимнее солнце. Он зажмурился, подставив лицо свету, и вдруг почувствовал странное, почти забытое ощущение: словно кто-то смотрит на него. Не из окна, не из толпы, а откуда-то изнутри. Словно тот, второй, о ком он ничего не помнил, смотрел на мир его глазами.

Он достал телефон и снова набрал номер отца. На этот раз гудки шли ещё дольше. Алекс уже собирался сбросить вызов, когда на том конце раздался голос Кейна — слабый, но раздражённый.

— Алекс, ради бога. Я же сказал тебе не лезть.

— В Париже убита женщина, отец. Анна Коваль. Она работала на тебя в «Элизиуме». Как и Фэрфакс. Как и священник в Риме, который, видимо, следующий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.